

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ИГУ»)

«Утверждаю»

Проректор по научной работе
и международной деятельности
ФГБОУ ВО

«Иркутский государственный
университет»
проф. А. Ф. Шмидт

«7» ноября 2016 г.

О Т З Ы В

ведущей организации

на диссертацию

«РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

АРС. ТАРКОВСКОГО, А. КУШНЕРА, С. СТРАТАНОВСКОГО»,

представленную Цыпилёвой Полиной Анатольевной

на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертация П. А. Цыпилёвой посвящена решению значимой научной проблемы – рассмотрению роли античной культуры в духовном самоопределении поэтов второй половины XX – начала XXI века. Работа показала, что миропонимание древности востребовано во всех сферах самоопределения – в творчестве, экзистенции, историософии и даже в выстраивании физической картины мира. Следовательно, **актуальность** проведённого исследования состоит в том, что оно показывает не только глубину культурной памяти у поэтов трёх поколений, но её активность в самосознании носителей современного трагического опыта. Античность воспринимается не в качестве высокого идеала и эстетической нормы, но как сфера живых смыслов – образ вхождения поэзии в природу («дудка Марсия» А. Тарковского), ключ к творческой самоидентификации («Аполлон в снегу и

в траве» А. Кушнера), язык для выражения интеллектуальных страстей: «архив архетипов в глухом ленинградском подвале / Там, за амбарным замком мыслеобразов тёмный котёл» (С. Стратановский).

Новизна решения академической темы – рецепция античной культуры – состоит, во-первых, в чрезвычайно широком контексте: античность представлена как древнее и актуальное наследие и как традиция его восприятия в среде филологов и поэтов XX века. Во-вторых, это не монографическое исследование: выбраны три имени, что требует постоянного сопоставления и выявления тенденций. В-третьих, знаменателен принцип отбора: поэты рассматриваются во всё большем отдалении друг от друга и от пиетета перед высокой классикой. Мотивы выстраивания ряда подробно обоснованы социокультурной близостью авторов: принадлежность к неоакмеизму, к петербургско-ленинградской ветви русской лирики (как представляется, в случае А. Тарковского привязка не так очевидна, как у А. Кушнера и С. Стратановского), творческая среда с её влияниями, прямая рефлексия, высказанная в прозе, и др. Но отбор, построенный не на сходстве, а на различии, – плодотворный научный эксперимент: он позволяет проследить эволюцию культурной памяти в сознании представителей разных поколений, актуализацию разных содержательных аспектов и модификацию форм проявления в качественном и даже количественном отношении. Так, очевидный неравный объём материала (доминирование А. Кушнера и меньшее присутствие С. Стратановского) сам по себе свидетельствует об изменении духовных ориентиров и статуса культурного наследия. Исследование предмета рецепции (аксиология, топика, генерирующий потенциал классики) и её модусов (идентификация, рефлексия, критика), индивидуальных лирических форм и общих тенденций перерастает в описание изменения житнетворческой миссии античного наследия. По мере отчуждения поэзии от гармонизирующих интенций и воспроизведения хаосмоса актуализируется хтоническая трагедийная модальность – так на рубеже веков раскрывается и реализуется универсальный потенциал античной культуры.

Теоретическая значимость работы П. А. Цыпилёвой состоит в точной и основательной терминологической проработке всего концептуального аппарата, необходимого для исследования индивидуального творческого диалога с классическим наследием: «античная культура», «интертекстуальность» в разнообразии форм рефлексии «претекста» и его воспроизведения в «межтекстовых связях», «творческое сознание», «рецепция» – всему даны строгие определения, дальнейшая глубокая аналитическая работа проведена в точном им соответствии. Заключение тоже носит теоретический характер: оно обобщает источники, классифицирует формы и способы рецепции, при этом подчёркивается ценность

полемического восприятия идей, претекстов и авторов, что свидетельствует о подлинно заинтересованном и творческом отношении авторов к высокой культурной традиции. Ценность Приложения «Обзор античных аллюзий и реминисценций в поэзии А. Кушнера» состоит в статистическом подтверждении развёрнутой детальной классификации.

Методологическая значимость исследования – в многоаспектном, но универсально действенном применении принципов рецептивной эстетики к несходным поэтическим системам. Диссертантка провела убедительный сопоставительный анализ, учитывая разный объём материала, отношение к культуре (апология или критика) и степень востребованности опыта древних. Содержание античной культуры взято во всей полноте: семиосфера (2 глава «Мифолого-философские концепты античности») – историософия (3 глава «Исторические события античности») – литература и искусство (4 глава «Античная литературная традиция»). Творческая личность каждого автора раскрыта с той глубиной, какой требует тема исследования.

Рассмотрение индивидуального творческого сознания каждого поэта закономерно начинается с анализа мироощущения – восприятия концептов «жизнь», «смерть», «бессмертие», «душа», т. е. органических – экзистенциально-антропологических основ диалога с классической традицией (глава 2 «Мифолого-философские концепты античности»). В этот диалог с разной степенью открытости включены все три автора. Анализ их предпочтений показал, что интенсивность диалога определяется отнюдь не воспитанием и средой, как можно было бы предположить. Так А. Тарковский прошел школу Г. Шенгели, но его эмоциональное мышление до конца оставалось антиномичным, рационалист А. Кушнер последовательно ориентируется на философию стоиков, а выросший в семье филолога-классика С. Стратановский заинтересован формой философского диалога, причём в опосредованной религиозно-дидактической версии Г. Сковороды. Смена поколений показывает, как процесс интеллектуализации рецепции снижает миромоделирующий авторитет античной традиции, превращая идеи и формы в объект иронической игры, но не отменяя смысловые сущности и тем самым насыщая классического опыта.

Одна из причин – концепция «единообразия эпох», которая объединяет младших авторов (материал 2 главы). Но художественные выводы, которые поэты делают из этой неутешительной истины, противоположны. П. А. Цыпилёва отмечает вполне катартическую метаморфозу исторической закономерности у А. Кушнера: «результатом событийного тождества явилась генетическая соотнесенность русской поэзии (и шире – культуры) с античной» (с. 103) – так позиция жизнепрятия обусловила гармоничные формы преемственности. С. Стратановский, напротив, воспринимает «трагическое равенство времен» (с. 107) как результат слабости культуры и разрабатывает

ироническую модель стиха – псевдогомеровскую стилизацию, игра строится на противоречии формы и содержания: «иглобомба словесная» призвана взорвать трагическим знанием благополучный образ высокого наследия. Возникает вопрос: является ли связь историософской и эстетической концепции системной? можно ли, исходя из актуальности античной культуры, восстановить понимание А. Тарковским истории как циклического времени?

В последней главе «Античная литературная традиция» раскрывается степень органичности самой преемственности – игра А. Тарковского в Арсиноя Аттического, как смеховая, так и сатирическая, и полнота освоения греческой и римской словесности А. Кушнером. То и другое подтверждает глубокий резонанс поэзии разных эпох, естественный для творцов с классическим трагедийным сознанием – ориентированных на философию стоиков, как А. Кушнер, или преданность жизни, как А. Тарковский. Можно ли считать, что отсутствие раздела о С. Стратановском – следствие его малого внимания к античной традиции, в сравнении с христианской (в книге «Тьма дневная»)? Незаинтересованность в классике – тоже материал для исследования, и можно ли увидеть в нём поворот уже не трагического, а катастрофического сознания в сторону апокалиптики? Можно ли рассматривать обращение Стратановского с античным наследием типологическим продолжением эллинизма, как это следует из выводов 2 главы (с. 98)? Описание этой версии рецепции было бы очень плодотворным.

Следует особо отметить, что анализ П. А. Цыпилёвой поэзии С. Стратановского – одна из первых концептуальных попыток научного описания, высказанные диссертанткой идеи и оценки стимулируют дискуссию. Думается, что сближение пессимизма поэта с амбивалентным восприятием Хаоса и Эроса как единства становления-разрушения (с. 112) мало обосновано. Не плодотворнее ли связать его позицию с философией киников, если сам текст подсказывает ассоциацию с Диогеном: «По переулкам путь был труден / И нес я голову светлее фонаря / Дрожали листья ноября / И город был в просветах чуден»? Очевидно, поиск человека привёл к Минотавру: «Днём – человек, / ночью – бык буйный / Президент-Минотавр, / и тоскливо ему в лабиринте...» Анализ этой версии продолжил бы ряд философских идей Гераклита, Эпикура, Аристотеля, Платона, к которым, как убедительно показано в работе, апеллировали исследуемые поэты.

Один из **дискуссионных моментов** работы – уход от обсуждения известной антиномии «аполлоническое – дионисийское» в античной культуре, т. е. проблемы плодотворности следования той или другой модели и возможности их совмещения. Приоритеты разных версий творческой идентификации очевидны у А. Кушнера («Аполлон в снегу») и у А. Тарковского, его фраза «и сам я стал как Марсий» («После войны») означает

не только предельность страдания, но и образ творчества: «И мне огнём беды / Дуду насквозь продуло» («Степная дудка»). На специфическое интеллектуальное дионисийство указывает характеристика художественной концепции С. Стратановского: «поэзия, вбирающая деструктивную мысль, строится по закону хаоса как первоосновы космоса, разрушения как мощной созидательной силы с последующей ее гармонизацией и упорядочиванием» (с. 113). Можно ли говорить о доминировании аполлонического или дионисийского начала или об их конвергенции в трагедийном сознании рассматриваемых поэтов? Или обсуждение этой антиномии уже не является плодотворным?

Менее принципиальный повод для дискуссии – обоснование сходства мироощущения поэтов: «Кроме того, общность эстетических установок и взаимные осознанные или бессознательные переключки («Жизнь хороша, особенно в конце» (Арс. Тарковский, т. 1, с. 137) – «Все равно эта жизнь и в конце хороша» (А. Кушнер, Дневные сны, с. 10); «Тучка, ласточка, душа!» (А. Кушнер, Приметы, с. 5) – «Девка, ласточка, душа» (С. Стратановский)) демонстрируют общность мироощущения выбранных поэтов» (с. 49). Этим выводам 1 главы противоречит содержание 2-й, в которой с убедительной полнотой показана чувственно-детальная погружённость в жизненные процессы А. Тарковского, доминанта умудрённо-умеренной рассудочности А. Кушнера, едкая ирония С. Стратановского. Наглядное подтверждение различия мироощущений – разработка темы метаморфоз: её глубокое и искреннее переживание стало одним из лейтмотивов надежды на бессмертие в лирике А. Тарковского, у А. Кушнера оно связано с умозрительной идеей души – космической странницы (с. 78), но у С. Стратановского нашло скорбное паранаучное решение (пример – эпически-размеренное послание «Шариков – Преображенскому»). Богатый материал и тонкий анализ поэтической рефлексии столь непохожих авторов, представленный в диссертации П. А. Цыпилёвой, стимулирует к поиску определения понятия «поэтическое мироощущение» содержательно и типологически, и это одна из перспектив проделанного масштабного исследования.

Язык и стиль работы отличается точностью, ясностью, простотой и концептуальной выверенностью формулировок. Особо следует отметить универсальность выработанной дискурсивной модели аналитики и её успешную применимость к трём разным поэтическим индивидуальностям. **Структура** работы обусловлена логикой всестороннего рассмотрения материала, детализирована в соответствии с необходимыми аспектами темы и особенностями художественных индивидуальностей поэтов. Выводы разделов и глав убедительны, в Заключение намечены плодотворные перспективы изучения темы. **Оформление** текста, включая библиографию, соответствует всем требованиям к научному исследованию.

Научные результаты диссертации П. А. Цыпилёвой соответствуют сформулированной цели и поставленным задачам. Положения, выносимые на защиту, содержат развёрнутую и глубоко обоснованную исследовательскую концепцию. **Личный вклад** в освоение обширнейшей темы – рефлексии античной культуры в русской литературе – состоит в выборе нового материала, в аргументированном и разностороннем сопоставлении авторов. В результате выявлена объективная тенденция – трансформация самой рецепции: опора на базовые концепты античного наследия как ценности общеевропейской культуры (А. Тарковский, А. Кушнер) сменяется стремлением обратиться к ним напрямую, очищая от пиетета исторических наслоений (С. Стратановский).

Решена крупная научная проблема – прослежена и описана в основных параметрах смена парадигм восприятия античной культуры, обусловленная разным экзистенциальным опытом поэтов и, главное, самим отношением к культуре и её способности оправдать историю. **Достоверность результатов** исследования обеспечена широким охватом концептосферы, выявлением многообразных философских, литературных, исторических источников, повлиявших на самосознание современных поэтов, полным освоением их собственного творчества и учётом особенностей индивидуального мышления.

Практическая значимость исследования П. А. Цыпилёвой несомненна: результаты дают материал для дальнейших наблюдений за эволюцией художественного сознания в философской лирике рубежа XX-XXI веков и могут быть использованы в вузовском преподавании курсов культурологии, теории литературы, истории русской литературы XX века и спецкурсов по новейшей русской поэзии.

Работа прошла полноценную апробацию, о чем свидетельствуют 8 публикаций, из них 3 в изданиях, рекомендованных ВАК, а также 6 выступлений на международных и всероссийских конференциях в разных городах России. Содержание автореферата адекватно тексту диссертации, публикации представляют материал и основные положения исследования с исчерпывающей полнотой, на что указывают сноски в названии глав.

Диссертация П. А. Цыпилёвой «Рецепция античной культуры в творческом сознании Арс. Тарковского, А. Кушнера, С. Стратановского» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для филологии, – разработана и успешно осуществлена методология многоуровневого сопоставления эпистемы античной культуры и разнородных индивидуальных художественных систем. Проведённое исследование соответствует всем требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября

2013 г., № 842), а его автор, Цыпилёва Полина Анатольевна, заслуживает
искомой степени кандидата филологических наук по специальности
«10.01.01 – Русская литература».

Отзыв подготовлен доктором филологических наук по специальности
«10.01.01 – Русская литература» Плехановой Ириной Иннокентьевной,
профессором кафедры новейшей русской литературы факультета филологии
и журналистики Иркутского государственного университета.

Отзыв о диссертации П. А. Цыпилёвой «Рецепция античной культуры
в творческом сознании Арс. Тарковского, А. Кушнера, С. Стратановского»
обсуждён и утверждён на заседании кафедры новейшей русской литературы
факультета филологии и журналистики федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский
государственный университет» 2 ноября 2016 года, протокол № 3.

Кандидат филологических наук (10.01.01 – Русская литература),
доцент, зав. кафедрой новейшей русской литературы
Подрезова Наталия Николаевна

Контактные данные:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ИГУ»),
664003, Иркутская обл., Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Тел. (8 3952) 521900

E-mail: rector@isu.ru

[http: // www.isu.ru](http://www.isu.ru)

